

Анатолий Федорович Кони

Открытие I государственной думы

СТАТЬИ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ

Кони А. Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. - М.: Сов. Россия, 1989.

OCR Pirat

Комендантский подъезд Зимнего дворца запружен военными и гражданскими мундирами, и на каждом повороте лестницы приходится показывать свой входной билет. Чудная, невиданная в это время погода смотрит в окна тех зал, по которым приходится проходить вплоть до Георгиевской залы, посредине которой стоит аналой, а по бокам возвышения в две ступеньки для Думы и Совета; в глубине залы трон в виде старинного кресла, на которое наброшена горностаевая мантия; к нему ведут несколько ступенек, покрытых малиновым сукном, сзади виднеется обветшалый вышитый орел под балдахином. Все довольно неимпозантно.

С боков трона вход в небольшую комнату, где стоит караул Московского полка и вдоль стен которой помещены две старинные картины, изображающие "преславную Полтавскую викторию". Скачущий на коне великий Петр является каким-то диссонансом в тот день, когда его жалкий слабовольный потомок дает вынужденную и омраченную мятежами и казнями конституцию через полгода после неслыханных поражений и небывалого позора России. Невольно с горечью думается, что всей этой напрасно пролитой крови можно было избежать и давным-давно двинуть Россию на путь политической свободы, если бы не считать ее "бессмысленным мечтанием", которое все-таки пришлось признать действительностью, и если бы поменьше заботиться об охране собственной особы и власти. Невольно вспомни наются и слова Петра перед "преславной викторией":

"...а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, была бы счастлива Россия". В час в зале еще нет ни Государственного совета, ни Государственной думы, но сенат в сборе, хотя многие отсутствуют; нет старика Цеэ, нет палача Дейера, нет Желеховского... Но и за всем тем между собравшимися сенаторами достаточно людей, которым не хочется подавать руки, а подав оную по малодушной терпимости, приходится жалеть, что нельзя ее немедленно дезинфицировать. По этой части и сенаторы I департамента плюс первоприсутствующие, стоящие по правую руку от трона, и "прочие", как значится в церемониале, сенаторы, стоящие по левую сторону от трона, могут между собой поспорить. Но вот проходят министры: новый премьер Горемыкин с обычным видом мороженого леща раздает рукопожатия и старается каждому сказать что-нибудь приятное, и на мою долю достается: "Давно, давно мы с вами не видались"; господин Щванебах делает вид, что меня не замечает, но затем, вероятно, вспомнив о превратностях судьбы, разыскивает меня и сообщает, что мысленно был у меня много раз, но так занят, что... и т. д.; проходит преисполненный самим собою Коковцев и новый министр путей сообщения генерал Шауфус; с очень скромным и деловым видом и с унылым обличем движется одиноко граф Ламздорф с противным лицом старой кокотки; наконец, появляется умное и жесткое лицо Стишинского и проходит смущенный Щегловитов, жалующийся мне на трудность своего положения... После министров в среде сенаторов появляется князь Ширинский-Шихматов и объявляет, к печальному изумлению многих, что он назначен сегодня обер-прокурором св. синода. Но вот и Государственный совет, в среде которого я тщетно ищу Шахматова; в его составе идет Витте с угрюмым выражением лица, огромный и грузный. Мы молча здороваемся.

За красным распухшим лицом Таганцева и хамскою рожей Платонова следует Дурново, напоминающий мне о прошлом лете в Сестрорецке и с радостью заявляющий о том, что он более не министр. Государственный совет занимает приготовленное ему возвышение, причем впереди всех стоят, опираясь на палки, гр. Пален, исхудалый и состарившийся Фриш и полуслепой Половцев. Проходя мимо меня, Фриш мне приветливо кланяется и делает движение по направлению ко мне, но я холодно отвечаю на приветствие старого недруга. Входит Государственная дума. "Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний: из хат, из келий, из темниц сюда стеклись для совещаний", - хочется пародировать слова Пушкина. "Спиджаки", высокие сапоги, у некоторых запыленные чалмы и халаты инородцев, фиолетовая скуфья католического епископа, шапочка раввина, русские клобуки, фрак и белые галстуки, придворные и дворянские мундиры и устарелые военные формы сливаются в живописном беспорядке. У